

ГОРЬКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

Первая моя встреча с Алексеем Максимовичем произошла 33 года назад. Московский Художественный театр в сезоне 1902/1903 года ставил «На дне». Я тогда еще не был актером МХАТ, но уже вел переговоры о вступлении в театр. В один из антрактов, во время спектакля «На дне» я зашел в кабинет дирекции, где меня познакомили с Алексеем Максимовичем.

В последующие годы я встречался с Алексеем Максимовичем неоднократно, но нерегулярно. Конечно, сейчас трудно вспомнить все детали замечательных встреч и бесед с Алексеем Максимовичем. Постараюсь восстановить отдельные эпизоды встреч с Горьким. Это — фрагменты воспоминаний.

1905 год. Декабрьское восстание в Москве. Уже идет стрельба на площадях. В подезде Художественного театра встречаюсь с выходящим на улицу А. М. Горьким. Здороваемся. Он, обращая ко мне, иронически говорит: «А вы все еще репетируете?» Я отвечаю утвердительно. Действительно в театре шла репетиция «Горе от ума»...

Только через 8 лет я вновь встречаюсь с Алексеем Максимовичем. Это было в 1913 г. за границей. Я отдыхал в Римини, куда приехал и Горький с Капри. На курорте мне повезло встретиться с Алексеем Максимовичем около месяца. Горький ежедневно встречался со мной и подолгу беседовал.

В Римини тогда жила и Антонина Васильевна Нежданова. Она как-то раз пригласила Горького и еще ряд товарищей к себе, чтобы спеть несколько романсов и песен. Нежданова прекрасно пропела алябьевского «Соловья». Горький был очень тронут. Я видел, как на глаза его навернулись слезы.

После Октябрьской революции я встречался с Горьким чаще. Ярко вспоминается свидание с Алексеем Максимовичем на квартире у К. С. Станиславского. Московский Художественный театр после приезда Горького в СССР решил восстановить прежние связи МХАТ с писателем. Мы обратились от имени театра и Станиславского к Горькому с предложением встретиться. Алексей Максимович сразу согласился. На этой встрече предложили Горькому написать для МХАТ новую пьесу. Он радостно откликнулся на наше предложение и с волнением произнес речь с задачами современного искусства, о

пути Художественного театра. Каждый раз, говоря о МХАТ, он повторял: «Нам это сделать надо, мы считаем, что необходимо так поступить». Горький считал себя участником коллектива МХАТ.

После 40-летнего юбилея Горького МХАТ был назван именем великого русского писателя. В связи с этим к Горькому поехала делегация. В составе делегации были: я, Качалов, Москвин, Раевский, представители партийной и профсоюзной организации театра. Алексей Максимович, как всегда, встретил нас радостно. Но узнав о цели нашего приезда, тут же запротестовал: «Почему такому большому театру присвоили мое имя?» Он, по свойственной ему скромности, говорил о том, что этого не заслуживает. Но мы тут же опровергли его сомнения, указав на тесную, почти 30-летнюю связь Алексея Максимовича с Московским Художественным театром. Началась теплая дружеская беседа. Он с громадным увлечением рассказывал нам о современных завоеваниях в науке, о нашем хозяйственном строительстве, о новых людях социалистического общества. Алексей Максимович показывал нам многочисленные фотографии новых советских строков.

Алексей Максимович неоднократно посещал спектакли МХАТ. Он смотрел у нас «Воскресенье». После спектакля Горький сказал Качалову: «Хорошо читаете, но там есть сцена у причастия, я ее не принимаю, признаюсь, в этом месте и Толстой мне не нравится». Как-то в беседе с нами Алексей Максимович заявил: «Я бы хотел переделать для сцены «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого».

В другой раз Горький пришел на одну из дневных репетиций «Мертвых душ». После репетиции, выходя из артистической во двор, я встретил Горького, который вместе с Вульфовым садился в машину. Алексей Максимович поздоровался со мной и сказал мне по поводу роли Плюшкина: «Понимаете, страшно, страшно делается...»

Алексей Максимович смотрел в фойе МХАТ спектакль «В людях». Этот спектакль его очень взволновал, он вспоминал свое детство, юность и плакал. После второго акта Горький пришел за кулисы и благодарил актеров. Спектакль он в общем оценил положительно и сделал ряд критических замечаний (попутно он

показал несколько технических приемов, как месить тесто).

Наконец, две последние встречи и беседы с Горьким были связаны с постановкой «Егора Булычева» и моей работой над ролью Булычева. Я и режиссер В. Г. Сахновский приехали к Горькому. Мы задали ему ряд вопросов. Я сказал: «Мне очень трудно найти «оживленное действие» в роли». Горький ответил: «Я больше забочусь об образе, чем об его действительности». Алексей Максимович рассказывал мне, что он знал в жизни такого Булычева.

«Жил, жил купец, а потом позвал пола к себе и стал задавать ему вопросы о жизни и боге».

Горький, работая вместе с МХАТ, никогда не вмешивался в процесс постановки. Он не любил бывать на репетициях. Но, придя в театр на спектакль, он обязательно делал ценные критические указания о постановке и игре актеров.

Алексей Максимович в период работы МХАТ над «Егором Булычевым» как-то читал нам вторую пьесу своей трилогии «Достигаев и другие». Закончив чтение пьесы, Горький обратился к нам с просьбой высказать критические замечания. Я помню, сказал ему несколько фраз, которые понравились Алексею Максимовичу, относительно заглавия второй пьесы: «Почему и первая и вторая пьесы называются «Булычев и другие» и «Достигаев и другие». Так как первая пьеса «Булычев и другие», то вторую пьесу следует назвать «Другие и Достигаев». Эту мысль Горький одобрил и сказал: «Если позволите, я так и назову».

12 апреля 1934 г. — премьера «Егора Булычева» в Московском Художественном театре. Публика настойчиво вызывала автора. Горький вышел на сцену. Зрители встретили его восторженно, а он все прятался за спину артистки Шевченко, итравшей роль игуменьи.

Горький в кратких словах дал оценку исполнения ролей в пьесе: «Хорошо. Глубоко. Сильно». Тут же, повернувшись ко мне, сделал замечание: «Почему вы говорите — «Долги наша»? Надо сказать «Долги». Ну вот и все, — весело заключает Алексей Максимович, — а теперь отпустите меня домой...»

Драматургия Горького, его пьесы приблизили нас к подлинному реалистическому спектаклю. Я считаю, что пьесы Горького, которые в реперту-

аре МХАТ идут уже четвертое десятилетие, не должны сходить со сцены нашего театра никогда. Включив в вечный репертуар пьесы Горького, Московский Художественный театр этим самым одает дань великому писателю-драматургу, имя которого с гордостью носит театр.

Я сейчас, работая в Государственном театральном институте, в первую очередь буду готовить с молодыми студентами-актерами горьковскую пьесу. Я хочу воспитать молодежь на горьковской драматургии, передать традиции горьковского театра нашим новым кадрам. Недавно я прочел второй вариант пьесы Горького «Васса Железнова». Считаю, что это очень интересная, захватывающая пьеса, которую следует ставить всем нашим театрам.

Народный артист республики
Л. ЛЕОНИДОВ

Впервые я встретилась с Горьким в Ялте весной 1900 года, когда наш молодой театр приехал на юг к своему любимому и близкому другу — писателю Чехову. Мы приехали, чтобы показать Антону Павловичу «Чайку» и «Дядю Ваню», которые шли с неизменным успехом в Москве в Художественном общедоступном театре.

Нам уже были известны первые произведения Горького. Мы зачитывались такими рассказами, как «Супруги Орловы», «Былые люди», «Старуха Ивергиль» и др. Любопытно было увидеть этого странного «человека с воли». И вот мы увидели его — молодого, большого, сильного, в живописной рубашке, сапогах. Запомнился его характерный жест — всей своей дланью он отводил пряди волос, падавшие на лоб, и закидывал голову. Привлекала его манера говорить, его голос, интонация, страстность. Не могу не вспомнить, как мы, сидя в кабинете только что отстроенного ялтинского дома Антона Павловича, пелый вечер слушали Горького. Он рассказывал о своих скитаниях по Крыму и Кавказу («Мой спутник»), и мы жадно слушали, хотя знали уже этот рассказ. В Ялте в то время были все молодые литераторы: И. Бунин, со своими бледно-голубыми глазами и тонкой улыбкой, коренастый Куприя, Елпатьевский, лаччелладелец, А. А. Федоров — поэт и другие. По утрам всех можно было встретить на ослепительно белой, залитой солнцем набережной Ялты, на знаменитой тогда скамеечке

около книжного магазина И. А. Спанини. Всеобщее внимание привлекала живописная фигура Алексея Максимовича.

26 марта 1902 года во время наших гастролей в Петербурге мы играли первую пьесу Горького «Мещане». Перед публичным спектаклем должен был состояться торжественный показ пьесы в присутствии всех министров, критиков и цензоров. Клейгельс разрешил ставить «Мещан» под условием, что не будет шума и волнения в публике. В пьесе было сделано много купюр. Купюры делал театр, купюры делал цензор Чаховской, так что актеры недоумевали, как склеить роли из обрывков. «Мещанами» мы открывали первый сезон в нашем новом театре в Москве в Камергерском переулке. В Петербурге пьеса имела большой успех, в Москве было потише.

Летом того же года мы уже читали новую пьесу Горького «На дне». На читке присутствовали, кроме труппы, Л. Андреев, С. Найденов, Чирков, Пятницкий и Шалапин. Читал сам Горький с большим волнением, плакал. Все казалось новым тогда: и Лука, и барон, и Сатин, и Настенька. Мы, актеры, ездили на Хитров рынок знакомиться с реальной жизнью ночлежки и ее героев: Алексей Максимович принимал близкое участие в работе, рассказывал, показывал, знакомил нас с чужим для нас бытом. Помню, с какой любовью Горький учил меня, иправшую Настю, крутить «собачью пожку», и как он предлагал привести к нам в дом девушку из ночлежки, чтобы она у нас пожила и чтобы я могла глубже вникнуть в ее психологию. Первый спектакль «На дне» был настоящим триумфом Алексея Максимовича. Вызов нам не было конца. Пьеса стала репертуарной, и по сию пору мы все еще ее играем.

Позднее я встретила Горького в 1923 году в Шварцвальде в небольшом городке Фрейбурге, где он жил с сыном и куда я приехала отдохнуть после трудного театрального сезона в Америке. Там же проводил лето и К. С. Станиславский с семьей. Вот мы и отпавились с К. С. навестить Алексея Максимовича. Жил он тогда тихо, одиноко, но, казалось, от него протггивались нити ко всему миру.

Нар. артистка республики
О. КНИППЕР-ЧЕХОВА